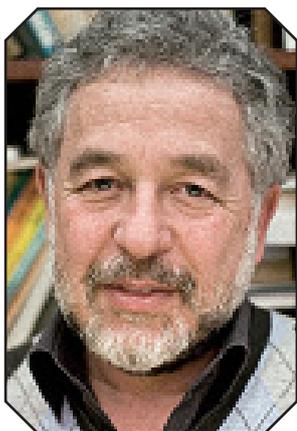


НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Вспышка или затухание? Новая институциональная экономическая теория в Центральной и Восточной Европе¹



КОВАЧ Янош Матьяш
(Kovács, János Mátyas) — научный сотрудник Института гуманитарных наук (Вена, Австрия).

Email: kovacs@iwm.at

Перевод с англ.
А. А. Куракина

Янош Матьяш Ковач является постоянным научным сотрудником Института гуманитарных исследований (Вена) и Института экономики (Будапешт), а также редактором журналов «Transit» (Вена) и «2000» (Будапешт). Его главные исследовательские области: история коммунистических хозяйств, сравнительные экономические системы, политическая экономия нового восточноевропейского капитализма и экономические культуры этого региона. Данная статья основана на материалах исследования, результаты которого публикуются в сб.: Kovács J. M., Zentai V. (eds.). 2012 (Forthcoming). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.

В этой статье Янош Ковач анализирует противоречия, с которыми столкнулось распространение новых институциональных теорий в странах Центральной и Восточной Европы. В условиях распада марксизма и сравнительной неразвитости неоклассической экономической теории новой институциональной экономической теории предсказывалось блестящее будущее, учитывая происходящие в обществе глубокие институциональные изменения. Именно это научное направление наряду с ордолиберализмом казалось наиболее привлекательным и для экономистов, и для социологов. Однако, к удивлению многих, в странах Восточной Европы концепции новой институциональной экономической теории так и не получили полноценного развития. Более того, они были весьма скептически восприняты местными экономистами, предложившими вместо этого весьма эклектичные исследовательские программы. Опираясь на результаты специального проекта, реализованного в восьми странах, Ковач рисует выпуклую картину особенностей развития экономических и социальных наук в посткоммунистических обществах.

Ключевые слова: новая институциональная экономика; ордолиберализм; восточноевропейская экономическая теория; посткоммунистические трансформации.

¹ *Источник:* Kovács J. M. 2011. Petering Out or Flaming Up? New Institutional Economics in East-Central Europe. *The European Electronic Newsletter «Economic Sociology»*. 13 (1): 28–39. — *Примеч. ред.*

То вспыхнет, то погаснет... Действительно ли новая институциональная экономическая теория (НИЭТ)² оказалась не способной предложить широкий набор привлекательных научных теорий? Разве они не были «обречены» заполнить всю Восточную Европу, которая в течение последних десятилетий экспериментировала с процессами глубоких институциональных изменений? Правда ли, что местные исследовательские сообщества оказались не готовы заимствовать идеи нового институционализма? Можно ли сказать, что успех Запада обернулся провалом Востока? Действительно ли общеизвестное проклятие запоздалого старта снова ударило по восточноевропейским экономистам³?

«Провал», пожалуй, будет слишком сильным словом. Я заменю его привыканием, даже усталостью, которая может последовать за любым успешным прорывом в академическом сообществе. Усталость способна привести к стагнации, но она ведь может и пройти, вызывая в скором времени новую волну интереса, не говоря уже об оригинальных научных открытиях.

Поспешный прогноз

Почему с 1993 г., когда я начал размышлять об альтернативах в развитии экономических наук после коммунизма, я ожидал быстрый рост институционалистской исследовательской программы? Тогда мною предсказывался масштабный импорт идей, сопровождающийся соперничеством двух западных парадигм — ордолиберализма и новой институциональной экономической теории — за умы и сердца экономистов Восточной Европы [Kovacs 1993]⁴. Обращая внимание на популярность концепции *Soziale Marktwirtschaft*⁵ в политическом дискурсе после падения коммунистических режимов и на распространение неoinституционалистских понятий, таких как транзакционные издержки, зависимость от ранее избранного пути или социальный капитал в экономическом анализе перехода к капитализму, я предположил, что развернется конкуренция между старым (немецким) и новым (американским) стилями институционалистского мышления в восточноевропейской экономической науке⁶. Этот сценарий с открытым финалом, имеющим два возможных исхода, зиждется на следующих четырех предположениях:

² Под новой институциональной экономикой я понимаю широкий набор развивающихся исследовательских программ — от теорий прав собственности и транзакционных издержек, теории общественного выбора до эволюционной экономики. Учитывая тот факт, что НИЭТ известна (иногда печально) за глубокое взаимное проникновение экономической теории и других социальных наук, междисциплинарные области, такие как новая экономическая история, экономика права, поведенческая экономика и др., были также отнесены к естественным ветвям этой школы [Hutchison 1984; Langlois 1986; 1989; Rutherford 1994; Coase 1998; Furubotn, Richter 2000; Williamson 2000; Hodgson 2001; 2004; Aoki 2001; Menard, Shirley 2005; Nee 2005; Chavance 2008].

³ Понятия «Восток» и «Запад» далее по тексту будут часто уточняться (см., например, сноску 22).

⁴ Под ордолиберализмом я понимал Фрайбургскую школу и её интеллектуальное окружение со своими зрелыми и молодыми последователями, не разделяя их на более и менее либеральных авторов, теоретиков и политиков. Сюда относятся Альфред Мюллер-Армак (Alfred Müller-Armack), Франц Бём (Franz Böhm), Вальтер Ойкен (Walter Eucken), Вильгельм Рёпке (Wilhelm Röpke), Александр Рюстов (Alexander Rüstow) и авторы ряда вторичных работ [Watrin 1979; Zweig 1980; Barry 1989; Johnson 1989; Peacock, Willgerodt 1989a; 1989b]; из более современных работ см.: [Sally 1996; Koslowski 1998; Vanberg 1998; Albert 2004].

⁵ *Soziale Marktwirtschaft* (нем.) — социальное рыночное хозяйство или социально ориентированная рыночная экономика. — *Примеч. перев.*

⁶ Эта упрощённая дуальная типология была призвана отразить «общественное мнение» среди восточноевропейских экономистов того времени. В их дискуссиях эта альтернатива была представлена довольно небрежно и для того, чтобы усилить контраст. Например, говоря об американском стиле, редко отсылали к «старому» американскому институционализму (большая часть идей которого была напрямую заимствована из немецкой исторической школы), а при обращении к немецкому стилю недооценивалась важность его хайкевского (либертарианского, неаустрийского, то есть в известном смысле американского) крыла. В подобную дихотомию плохо вписываются такие важные школы, как сравнительные экономические системы, французская регуляционистская школа или теория принятия решений.

- обе главные школы экономической мысли при коммунистическом режиме, то есть официальная политическая экономия (ортодоксальный марксизм) и реформаторское направление (рыночный социализм)⁷, исчезнут: первая фактически развалилась ещё до 1989 г., а вторую должны были поглотить старые и новые институционалистские теории, господствовавшие на Западе. Это поглощение может быть ускорено тем фактом, что реформаторское направление в экономической науке, в том числе программы самоуправления, почти инстинктивно выработало квазиинституциональный (а точнее, спекулятивно-институциональный) способ критики плановой экономики и *методов (engineering)* её реформирования⁸;
- институционалистские объяснения серьёзных рыночных перекосов в плановой экономике, таких как дефицит, несбалансированность секторов хозяйства и инвестиционные циклы, выдвинутые представителями реформаторского направления в 1950–1980-е годы, могут быть легко интегрированы в западную литературу. Понятия «чрезмерная централизация», «торги за плановые показатели», «кампанейщина», «патернализм» и «теневая экономика» смогут найти пристанище в новых (на тот момент) теориях прав собственности, провалов государства, теории торга, политических деловых циклов и т. п., безусловно, значительно усиливаясь в аналитическом плане;
- многие реформаторы станут капиталистическими «трансформаторами», изучая посткоммунистическую экономику и планируя широкомасштабные программы дерегулирования (маркетинговую и приватизацию), поэтому они будут остро нуждаться в надёжных ноу-хау для понимания и организации институциональных изменений;
- немало таких ноу-хау уже доступны на Западе, значительная часть научной неопределённости находится, скорее, на стороне спроса. Оставив в прошлом бывшие реформаторские устремления, восточноевропейские экономисты столкнутся, так или иначе, с двумя противоборствующими институционалистскими традициями: по своей сути описательно-исторической, представленной «старым добрым» ордолиберализмом, и относительно новой, основанной, скорее, на формализованном анализе в неоклассическом стиле (со всё более усложняющимися инструментами теории игр), представленной новой институциональной экономической теорией. Какую из двух выберут приверженцы социальных наук? По сути, первая основана на холистских концепциях, наподобие экономического порядка, обещаниях решить реальные проблемы и делает акцент на социальной ответственности и необходимости корректировать работу рынка извне, тогда как вторая предпочитает методологический индивидуализм и доверяет рыночным силам вершить справедливость и осуществлять саморегулирование. Первая ближе местным интеллектуальным и политическим традициям экс-реформаторов (и требует значительно меньших познаний в математике), предлагает учёным занимать активную политическую позицию и оправдана, особенно в глазах старших поколений, европейской историей успеха государств благосостояния в 1950–1980-е годы. Вторая повсюду считается более «продвинутой» в том, что касается терминов, научной точности и академической силы, благодаря её тесным связям с неоклассической экономической теорией, вероятно, более привлекательной для молодых поколений местных экономистов, и легитимируется сравнительными преимуществами «американской модели» по сравнению с большинством европейских аналогов 1980–1990-х годов. Итак, первая традиция опирается на скучноватое, но надёжное прошлое, которое поддержива-

⁷ В то время было трудно поверить, что «чистая» концепция рыночного социализма, отмытая от грязи реального социализма и воспоминаний о рыночном социализме, который использовали Оскар Ланге (Oskar Lange) и его сторонники в «дискуссии о социалистическом расчёте цен», не исчезнет из современной экономической мысли [Balcerowicz 1992; Bardhan, Roemer 1993].

⁸ О спекулятивном институционализме см.: [Kovacs 1992].

ется теориями умеренной сложности, а вторая представляет собой музыку будущего, полного рисков и, возможно, великих открытий.

После 1989 г. я не стал гадать, кто может оказаться победителем, но выразил некоторое опасение, вызванное комбинацией старой (и одновременно новой) склонности «трансформаторов» к государственному вмешательству и оживающего национализма, действующими под прикрытием государственно-консервативно-корпоративистской интерпретации ордолиберальной программы. Таким образом, часть либеральных элементов этой комбинации была бы проигнорирована, а экс-реформаторы (или даже ортодоксальные марксисты) нашли бы убежище в теоретическом конструкте социального рыночного хозяйства нового типа, заигрывая с концепцией «третьего пути», более коллективистской, чем у Рёпке (Rörke), — кошмарным *National-Soziale Marktwirtschaft*⁹, место которого где-то между Муссолини и Мечьяром¹⁰.

Действительно, было крайне трудно предсказать победителя (или определить условия случайного, локального, сосуществования ордолиберализма и НИЭТ¹¹), но казалось очевидным, что если будет победитель, то им станет один из этих двух соперников.

Эти ожидания находились в русле глубоких методологических и дискурсивных изменений в сообществе экономистов по всему региону. Конвергенция «восточного» и «западного» институционализмов (даже на основе ордолиберализма) зависела от значительного сближения между западными техниками и (или) терминологиями экономической науки и их восточными аналогами. Говоря более жёстко, я считал, что восточноевропейские экономисты не могли надеяться на достижение успеха на международной арене, продолжая придерживаться своего доморощенного «квазиинституционализма», или, точнее, «спекулятивного институционализма» (вспомните размытые дискуссии о соотношении плана и рынка, о самоуправлении, которые реформаторы вели вплоть до конца 1980-х годов). Как правило, такого рода институционалистская исследовательская программа была менее эмпирична и в то же время гораздо менее абстрактно-аксиоматична, чем НИЭТ. Хотя она, подобно ордолиберализму, избегала формализма, её эмпирическая сила чаще всего не могла сравниться с ним. Тем не менее я полагал, что обучение может стать обоюдным и западные экономические науки также будут заимствовать научные идеи из нашего региона. При переосмыслении экономических институтов коммунистической эпохи думалось, что Восточная Европа способна обогатить не только «старый» институционализм, но также и некоторые ключевые концепции НИЭТ — такие, как размытые права собственности, неформальные институты, неполные контракты, погоня за рентой и т. п. Казалось, что через разработку экономической теории коммунизма она способна предложить институциональную теорию неосуществимой на практике хозяйственной системы, которая в рамках экономической теории могла бы играть роль, схожую с ролью *perpetuum mobile*¹² в физике. Что же до посткоммунизма, то я полагал, что по ходу экономических трансформаций регион сможет стать благодатной почвой для институционалистских открытий.

⁹ Национал-социалистическое рыночное хозяйство (нем.). — *Примеч. перев.*

¹⁰ Хотя в течение последних двух десятилетий это является постоянным источником беспокойства в либеральных кругах Восточной Европы, которое лишь усилилось с приходом режимов Милошевича, Туджмана, Лукашенко, Путина, Качинского и Орбана, последовательной теории нового экономического авторитаризма в регионе не появилось до сих пор..

¹¹ Комбинирование этих двух парадигм не требует больших научных прорывов; эта модель была заложена ещё хайковской (эволюционной) интерпретацией старых идей Фрайбургской школы. Можно довольно уверенно утверждать, что эволюционная экономика в рамках НИЭТ не противится сотрудничеству [Schmidtchen 1984; Schüller 1987; Leipold 1988; Vanberg 2001; Pies 2001]; см. также: Pies I., Leschke M. (Hrsg.). 1995–2011. *Konzepte der Gesellschaftstheorie*. Tübingen: Mohr Siebeck; отдельные тома этой серии были посвящены Дж. Бьюкенену, Р. Коузу, Ф. Хайеку, Д. Нортю, М. Олсону, О. Уильямсону и др.

¹² Вечный двигатель (лат.). — *Примеч. перев.*

Эти ожидания основывались на довольно открытом и беспрепятственном академическом сотрудничестве с Западом. То, что мы, жители Восточной Европы, ожидали, то и наступит, а то, что на самом деле наступает, является тем, что мы с самого начала хотели получить. Кроме того, если воспользоваться политкорректной формулировкой, местные институциональные экономисты изображались не в качестве недееспособных, а как обладающие иными способностями учёные, которые могут предложить свой оригинальный продукт.

Я утверждал: помимо методологической притирки и «дискурсивного поворота» в Восточной Европе может также измениться социологический контекст экономических наук, что должно вызвать сближение институционалистских исследовательских программ. Предположительно партийные съезды, цензурируемые журналы и политически ангажированные учёные больше не будут определять научный прогресс. Одновременно «светские» (свободные от политики) исследовательские сообщества, публикации в рецензируемых журналах и факультетская библиотека, или факультетские клубы (*faculty clubs*), станут основным двигателем академической жизни. Восточноевропейские эксперты будут вынуждены точно так же соперничать на академическом рынке (локальном и глобальном), как и их западные коллеги; модели трудоустройства, карьеры и мобильности также станут схожими; значительная часть академической продукции будет производиться частными исследовательскими и образовательными институтами и т. п.

В целом предполагалось, что на Западе есть два подходящих коллективных актора — представители ордолиберализма и НИЭТ, тогда как на Востоке я видел исчезающих ортодоксальных марксистов, экс-реформаторов и «непорочных юнцов», появившихся в области экономических исследований после 1989 г. Разумно было предположить и существенные поколенческие различия. Чем вы моложе, тем выше у вас шансы получить надлежащее образование по неоклассической экономической теории — в качестве обязательного условия (*sine qua non*) для усвоения идей нового институционализма. Я думал, что здесь могут соединиться два вида разочарования: неточность описательной исследовательской техники, применяемой старшими коллегами, и стерильность некоторых только освоенных неоклассических моделей. Вместе они способны побудить молодых учёных переключиться на НИЭТ (без понижения уровня формального анализа). Помимо того что молодых подталкивают указанные факторы, одновременно их притягивает и западная новая институциональная экономическая теория, свежая, гибкая и модная дисциплина, которая обещает дать всё лучшее из старого институционализма и современного экономического мейнстрима и в то же время оградить исследователя от их недостатков. Восточноевропейскому экономисту представился уникальный шанс стать и ортодоксальным, и неортодоксальным экспертом, который одновременно заимствует и изобретает что-то новое, избегая раблепной имитации.

Если этот прогноз себя оправдает, рассуждал я несколькими годами позже [Kovács 2002], то неоклассическую парадигму следует включить в группу западных акторов. Возможно, распространение этой парадигмы также усилит и НИЭТ в качестве непреднамеренного побочного эффекта (или побочного ущерба). Тем не менее я не отверг три другие возможности:

- ордолиберализм постепенно выйдет из борьбы, но НИЭТ не станет настоящим победителем;
- неоклассическая теория не произведёт за это время собственных «восточных диссидентов», и, более того, многие из её местных представителей будут слабо вовлечены в НИЭТ;
- в состоянии посткоммунизма сообщество экономистов столкнётся с ситуацией, когда «всё гонится» (более точно, когда любая теория способна раствориться в другой), в которой даже гибридизация может показаться слишком смелой рабочей гипотезой.

В итоге случилось как раз то, на что я не обратил внимание в начале 1990-х годов и чему спустя 15 лет пришлось немало удивляться, когда погрузился в компаративистский исследовательский проект по изучению восприятия новой институциональной экономической теории в восьми странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) — Болгарии, Хорватии, Чехии, Венгрии, Польше, Румынии, Сербии и Словении¹³.

Обряд перехода

«Заметили ли польские экономисты новый институционализм?» — скептически вопрошает Яцек Коханович (Jacek Kochanowicz) в своей части исследования. Румен Аврамов (Roumen Avramov) утверждает, что «в ландшафте болгарской экономической науки НИЭТ всё ещё находится в бессистемном виде и ей явно недостаёт критической массы. Она не является сплочённым течением, способным противостоять доминирующему влиянию неоклассики». Воймир Франичевич (Vojmir Franicevic) говорит о «мягком» институционализме (то есть об использовании понятий НИЭТ, когда они «подходят к “разговору”») и пассивном восприятии новой институциональной экономической теории в Хорватии. В Болгарии существует только один последовательный университетский курс по новой институциональной экономике. Хория Паул Терпе (Horia Paul Terpe) и Паул Драгош Алиджика (Paul Dragos Aligica) предупреждают читателей, что «сигналы, которые могут означать “неоинституционалистский” взрыв, не следует принимать за реально свершившиеся события». «Институционализм всё ещё не институционализировался», — играют словами некоторые авторы.

В действительности было бы большой ошибкой ожидать на местном уровне серии оригинальных открытий, которые опубликовали бы в ведущих американских журналах. Тем не менее крайне медленное проникновение идей, неполные захваты, эклектичное заимствование, мнимое принятие идей и т. п., то есть все те схемы академического импорта, обнаруженные нашими исследованиями, рассматривались бы одно или два десятилетия назад как проявления чрезмерного пессимизма. Наша исследовательская команда предположила, что НИЭТ должна была понравиться экономистам по всему региону, потому что она предлагала парадигму, в которой они остро нуждались, которую могли уважать, понимать, в которую могли бы верить, не говоря уже о том, что её академические продукты хорошо продавались бы (*well-marketed*). По словам Аврамова, особое преимущество этого направления состоит в том, что оно может служить представителем других теорий, заполнить «предположительные пустоты, оставленные “конвенциональной” экономической мыслью», и поэтому в состоянии удовлетворить даже специалистов диаметрально противоположных взглядов. Хотя время от времени НИЭТ облача-

¹³ Это была часть «DIOSCURI Project», большой исследовательской программы по изучению культурных связей в европейской экономике (см. URL: <http://www.dioscuriproject.net/>), поддержанной Европейской комиссией — 6FP (Sixth Framework Programme — Шестая Рамочная программа Европейского Сообщества по научным исследованиям, технологическому развитию и демонстрационной деятельности, 2002–2006 годы). К сожалению, мы были вынуждены ограничить себя странами ЦВЕ и не уделили внимания таким важным странам, как Россия. Я особенно благодарен Виолетте Зентаи (Violetta Zentai), с которой мы руководили этой программой в целом, а также Паулю Драгошу Алиджике (Paul Dragos Aligica), Румену Аврамову (Roumen Avramov), Воймиру Франичевичу (Vojmir Franicevic), Александре Йованович (Aleksandra Jovanovic), Яцеку Кохановичу (Jacek Kochanowicz), Алисе Навратиловой (Alice Navratilova), Александру Стевановичу (Aleksander Stevanovic), Хории Пауле Терпе (Horia Paul Terpe) и Тьяше Живко (Tjasa Zivko), которые подготавливали исследования по восприятию НИЭТ в отдельных странах; см. об этом подробнее в нашем сборнике: Kovács J. M., Zentai V. (eds). 2012. *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe after 1989*. Budapest: CEU Press; см. также отдельные статьи этого сборника: [Aligica, Terpe 2012; Avramov 2012; Franicevic 2012; Kochanowicz 2012; Kovacs 2012].

Кейс-стади, посвящённые восприятию НИЭТ, были основаны в общей сложности более чем на 50 углублённых интервью, литературных обзорах, включающих книги и статьи в одном или двух ведущих экономических журналах соответствующих стран, анализе учебных планов отобранных местных университетов и включённом наблюдении. Кроме того, в каждой стране сходным образом были изучены экономические экспертные комиссии и университетские факультеты, и большая часть информации, собранной в этих областях, оказалась релевантной для исследования неоинституционалистских идей.

лась в радикальную и (или) догматическую либертарианскую риторику, она предоставляет местным специалистам большую свободу манёвра: сбалансированный взгляд на провалы государства и рынка, исторический подход к эволюции институтов, междисциплинарный анализ и т. п., то есть всю ту академическую культуру, в которой воспитывались эти специалисты. Они вполне могли рассчитывать на то, что наконец представят точные (и эффективные) научные понятия, о которых раньше только отвлечённо размышляли, и верить в столь вождельённую возможность измерять переменные и проверять выводы.

Первые встречи местных экономистов с западными неоинституциональными теориями (и теоретиками) произошли в Венгрии, Польше и Югославии ещё в 1980-х годах или даже немного раньше. Первоначально спрос был инстинктивным, спорадическим, случайным и проблемно ориентированным. Как правило, экономисты ЦВЕ искали решение какой-то конкретной проблемы (например, моделирование частной собственности в Венгрии, сравнение экономических систем в Польше и изменение федеративного устройства в Югославии), пролистывали пару глав западной литературы, и их захватывал дискурс зарождавшейся тогда научной школы. В то время одними из самых цитируемых мыслителей были Армен Алчян (Armen Alchian), Гарольд Демсец (Harold Demsetz), Мансур Олсон (Mancur Olson). Их упоминали наряду с такими учёными, как Герберт Саймон (Herbert Simon), Харви Лейбенштейн (Harvey Leibenstein) и даже Альберт Хиршман (Albert Hirschman), которого сейчас нечасто относят к «отцам-основателям» НИЭТ. Аргументацию этих исследователей можно было легко развить с помощью математических навыков, полученных ранее, при изучении плановой экономики и самоуправления.

Действительно, в конце 1980-х и в начале 1990-х годов спорадическое проникновение НИЭТ переросло в регулярную маркетинговую кампанию и одновременный потребительский бум¹⁴. Эта кампания управлялась главным образом североамериканскими университетами (Джорджа Мэйсона, например), экспертными комиссиями и фондами (Тексас, Атлас, Фрейзер, Liberty Fund, Inc., Брэдли и т. п.) во всех странах региона посредством совместных исследовательских проектов, семинаров, конференций, университетских курсов, летних школ, переводческих программ и т. п.¹⁵ Её воздействие усилилось благодаря первым Нобелевским премиям, вручённым некоторым представителям неоинституциональной мысли (Дж. Бьюкенен, Р. Коуз, Д. Норт, Р. Фогель)¹⁶. Общий климат восприятия стал особенно благоприятным, когда Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и некоторые другие международные организации изменили свои взгляды на экономическую политику в стиле Вашингтонского консенсуса на риторику «институты и (или) культуры имеют значение».

Институто-центристский сигнал, посланный Западом, значительно окреп вследствие принятия в ЕС ряда бывших коммунистических стран, то есть вследствие самой программы всесторонней пересадки институтов и свода законодательных актов (*acquis communautaire*), выражающих квинтэссенцию европейского капитализма. Поэтому в Центральной и Восточной Европе середины 1990-х годов можно

¹⁴ Согласно нашим кейс-стади, раннее усвоение неоинституциональной мысли зависело от особых событий, таких, например, как публикация сборника по экономике права в Венгрии, приглашение в Германию, полученное Лешеком Бальцеровичем, или визит в Белград, оплаченный Светозаром Пейовичем.

¹⁵ В одном интервью венгерский учёный вспоминает: «На четвёртом году обучения в университете, какие-то “дикие либералы” из Университета Джорджа Мэйсона, я имею в виду неоавстрийцев, приехали в Будапешт и пригласили тех, кого они считали будущими лидерами страны, на Западное побережье США, где мы много ели, восхищались Америкой и посещали лекции... Было ясно, что они одержимы, но они не настаивали, чтобы мы с ними соглашались. Среди них были анархо-либералы, сторонники идеи свободных банков, классические либералы, и они бесплатно распространяли книги... Они привлекали Светозара Пейовича из-за его восточноевропейских корней. Мне всё это очень нравилось... В то время я был упрямым либералом, но с течением времени моё мнение стало значительно более умеренным».

¹⁶ За исключением нескольких учёных из бывшей Югославии (а также одного болгарина и венгра), местные специалисты не обучались у известных западных представителей НИЭТ. Как правило, они встречались с второстепенными представителями школы (например, в рамках обучающих программ), а встречи с ведущими учёными происходили на международных конференциях или выездных лекциях в регионе. Например, Дуглас Норт был одним из частых гостей в Восточной Европе.

было присоединиться к сообществу НИЭТ, имея умеренные социально-демократические обязательства, и не нужно было покидать её, даже исповедуя радикально-либертарианские взгляды. Как заметил один из моих коллег, НИЭТ — это толерантная дисциплина.

Эта маленькая научная революция осуществлялась без всякого насилия над «аборигенами». Если неoinституциональные идеи и начали колонизацию, то это была, скорее, самоколонизация. Местные экономисты готовились к переходу от первого этапа освоения, то есть от написания обзорных статей и организации ознакомительных семинаров, к запуску первых собственных настоящих исследовательских проектов для адаптации и проверки зарубежных моделей приватизации, антимонопольного регулирования, коррупции и т. п. Наши кейс-стади показывают, что НИЭТ во многих отношениях застряла на этой предварительной стадии, другими словами, *обряд перехода (rite de passage)* был прерван или значительно затянута. Грубо говоря, неoinституциональные идеи не стали частью «духовного капитала» эпистемического сообщества экономистов ЦВЕ [Kovács 2010].

Сегодня, за исключением нескольких крошечных островков НИЭТ (таких, как отделение экономики и права на юридическом факультете Белградского университета или Институт рыночной экономики в Софии), можно обнаружить лишь отдельных учёных, разбросанных по всему региону случайным образом. Точнее, есть одно правило: ни одна страна не демонстрирует выдающихся достижений в развитии новой институциональной экономической теории независимо от того, познакомились ли местные учёные с западной мыслью раньше или позже. Очевидно, что стагнация фактически повсеместна. Обитатели островков счастливы тем, что они как-то сумели выжить в прошедшие годы. Они не надеются на то, что в ближайшее время сумеют серьёзно повлиять на свою академическую среду. Типичный специалист в области НИЭТ в ЦВЕ продолжает популяризировать своих любимых авторов и любимые модели, печатается в местных журналах и в лучшем случае применяет уже существующее (западное) знание. (Румынский респондент жалуется, что «нас используют для проведения измерений в конце цепи».) Ни в одном из кейс-стади мы не нашли статьи, опубликованной местным специалистом в области нового институционализма в статусном зарубежном журнале¹⁷. Университетские курсы по новому институционализму не дают полной картины направления, а, напротив, фокусируются на узком наборе «известных» авторов. В большинстве стран были переведены лишь несколько классических книг, написанных ведущими теоретиками нового институционализма. Такие известные институты, как CERGE — EI (Center for Economic Research & Graduate Education — Economics Institute) в Праге или Институт экономики в Будапеште, до сих пор могут спокойно обходиться без постоянного сотрудничества с исследователями в области НИЭТ.

Соперничество

НИЭТ против ордолиберализма? Вопреки моим первоначальным ожиданиям, в ЦВЕ (как и на Западе) новый институционализм конкурирует не со старым институционализмом, а с неоклассической парадигмой. Другими словами, у НИЭТ нет достойных соперников в рамках институционализма, как нет и союзников вовне. Как я отметил выше, американская версия старого институционализма (начиная с Торстейна Веблена (Thorstein Veblen), переходя к Джону Коммонсу (John Commons) и Уэсли Митчеллу (Wesley Mitchell) и заканчивая Джоном Гэлбрейтом (John Galbraith) и даже Джеффри Ходжсоном (Geoffrey Hodgson)) никогда не была популярна в Центральной и Восточной Европе. Напротив,

¹⁷ Значимым исключением является группа российских учёных в Высшей школе экономики и Российской экономической школе в Москве. Среди них можно выделить Сергея Гуриева, Екатерину Журавскую, Виктора Полтеровича, Вадима Радаева, Константина Сони́на, Андрея Яковлева и др. Некоторые из них публиковались в таких журналах, как «Econometrica», «Journal of Economic Perspectives», «American Economic Review», «Quarterly Journal of Economics» и т. п.

германо-австрийская традиция оказала влияние на экономистов ЦВЕ (в меньшей степени в Сербии и Болгарии) до прихода коммунистических режимов и даже во время их правления, какой бы противоречивой она ни могла показаться¹⁸. Тем не менее сейчас следы ордолиберализма просматриваются, главным образом в партийных программах, в виде двух-трёх коротких тезисов о *Soziale Marktwirtschaft*. В большинстве стран можно найти общества, клубы или институты Ф. Хайека, но они, скорее, производят шум и суету, чем академическую продукцию¹⁹. Маргинальная роль либерального крыла старого институционализма становится очевидной на примере неких экономистов неоавстрийского толка в Румынии, которые (хотите верьте, хотите нет) заигрывали с православием. (Скорее всего, это не то, что можно назвать ортодоксальным хайекианством в истории экономической мысли.)

Почему я говорю о соперничестве между НИЭТ и неоклассическим мейнстримом? Почему в ЦВЕ последний столь неохотно идентифицирует себя с неоинституциональной мыслью? (Или, точнее, почему он сопротивляется этому здесь в большей степени, чем на Западе?) Представители мейнстрима как на Западе, так и на Востоке утверждают, что они уже идентифицировали себя с НИЭТ, инкорпорировав многие её открытия в ядро неоклассической мысли или в её прикладные подотрасли. В ЦВЕ эти эксперты также заявляют, что неоинституционалисты не добились сколь-либо значимых научных результатов в изучении коммунистического и посткоммунистического режимов, которые можно было бы инкорпорировать. Наконец, они находят некоторые тёмные пятна в местной генеалогии НИЭТ после 1989 г. Две основные причины для подозрений заключаются в том, что НИЭТ предоставляет убежище для бывших ортодоксальных марксистов и экономистов реформаторского направления и даёт им хороший предлог не пересматривать свои исследовательские приёмы. (Один мой респондент-неоклассик воскликнул: «Когда же наконец эти научатся писать уравнения?!»)

Гордая эклектика

Как показывают наши кейс-стади, сегодня в экономической науке ЦВЕ практически любая исследовательская программа может сочетаться с любой другой программой. Это был третий, пожалуй, наиболее шокировавший меня, неожиданный результат предпринятого проекта. Как выпускника бывшего Экономического университета им. Карла Маркса (ныне Университет им. Корвинуса в Будапеште), меня, конечно, сильно огорчило то, что в начале XXI века в этом учебном заведении можно обнаружить странную коалицию идей (и интересов) между очень пожилым профессором истории экономической мысли, экспертом по описательной международной экономике, бывшим аппаратчиком Центрального комитета Коммунистической партии (сейчас он является профессором теории общественного выбора), и молодым специалистом по микроэкономике, убеждённым марксистом и антиглобалистом; коалицию, скреплённую сопротивлением против преподавания современных неоклассических теорий [Varadi 2007]. К сожалению, это отнюдь не экзотический пример, как не является таковым и вышеупомянутый оксюморон «ортодоксальное хайекианство» в Румынии. Другое румынское изобретение, а именно соединение немецкой исторической школы, структурализма, национализма, старой теории развития и нового институционализма, также рождает любопытное научное существо. Концепции приходят и уходят, и позиции их представителей довольно изменчивы. Один хорватский респондент назвал себя «теоретиком выживания (*survivalist*)», другой — «эклектиком по умолчанию (*by default*)». Болгарский респондент сказал: «Люди не испытывают никаких неудобств, называя себя сначала по-

¹⁸ Как показывает пример Румынии, старый институционализм вовсе не обязательно должен уходить корнями в ордолиберализм. Он может проистекать из других теорий межвоенного периода, таких как, например, экономический структурализм, который был сохранён в работах Михаила Маноилеску (Mihail Manoilescu) и использован местными коммунистами в 1970–1980-х годах.

¹⁹ Я до сих пор, спустя более 20 лет после 1989 г., испытываю неловкость, читая о «триумфе неолиберализма» в Восточной Европе [Kovács 1991; 1998; 1999a; 1999b; Bockmann, Eyal 2002; Aligica, Evans 2009].

следователями одной теории, а затем — другой. Мудрый человек держит под контролем все используемые инструменты и концепции».

Какова же причина подобной «постмодернистской» ситуации? Может быть, ослабло предложение со стороны Запада? Или начали скрипеть колёса «передаточного» механизма? А быть может, угас местный спрос? Я думаю, что все эти факторы способствовали замедлению процесса усвоения западных идей. Потенциальное предложение неоинституциональных теорий очевидно не снизилось (как раз наоборот), но привлекательность новизны обмена идеями, безусловно, ослабла. Со стороны предложения академический интерес сузился вследствие выстраивания экономических исследований и образования в ЦВЕ по западному образцу, которое тем не менее не породило захватывающих экономических открытий. «Миссионерский» этап экспорта неоинституционалистских идей «дикарям» перетёк на рубеже XX и XXI веков в утомительный процесс постепенного выстраивания и легитимации дисциплины. Западные экспертные комиссии, фонды, специалисты и т. п. стали уезжать, забыв про «новообращённых».

Со стороны спроса на новые идеи новый институционализм не сумел вытащить неоклассиков из их мира более абстрактного моделирования. Приверженцы неоклассической теории находились на увлекательной стадии изучения, постигая секреты «гранд-теории» с растущим числом её приложений, в которые, как было сказано ранее, они уже включили некоторые решения в духе НИЭТ. «Если я использую красивые риторические приёмы вроде “зависимости от ранее выбранного пути”, означает ли это, что я узнал что-то важное о хозяйстве? Смогу ли я улучшить свои предсказания?» — спрашивал один из моих респондентов, профессиональный макроэкономист. Более того, что было преимуществом в глазах институционалистов, а именно близость НИЭТ политике переходного периода, то оказалось недостатком для представителей мейнстрима. Часто посткоммунистические правительства на скорую руку устраивали масштабные институциональные преобразования, используя преимущественно риторику старого институционализма, но это не помогало убедить неоклассиков объединить усилия. Например, в Чехии ваучерная приватизация, основанная якобы на принципах австрийского эволюционизма, вызвала саркастические замечания наших респондентов из лагеря мейнстрима. Кроме того, теперь они дважды подумают, прежде чем присоединиться к неоинституциональному «гетто», после того как их освободили из собственного «гетто», до 1989 г. эвфемистически называвшегося «математическая экономика». Очевидно, что институционализм низкого уровня является слабым поводом для местных представителей мейнстрима изменить свои позиции. «Почему мне должен нравиться этот восточно-европейский клон, — спросил всё тот же венгерский респондент, — если мои американские коллеги не в восторге от западного оригинала?» (добавим, безусловно, более высокого качества).

Счастливое исключение?

Что касается Венгрии, то я не могу не сказать пару слов о восприятии новой институциональной экономики в своей стране, чтобы развеять распространённые заблуждения. Экстраполируя успех венгерских экономистов в самовестернизации в 1960–1980-е годы, благожелательные наблюдатели склонны предполагать некий *Sonderweg*²⁰, подразумевая, что для НИЭТ должны были зажечь зелёный свет, чтобы она вошла в исследовательскую и учебную практику Венгрии [Kovács 2002]. Однако если рассмотреть ожидаемый после 1989 г. прорыв в институциональной экономике со стороны Запада, то Венгрия до сих пор принадлежит к числу «отстающих» стран. НИЭТ не завладела местным исследовательским сообществом, и в то же время ордолиберализм не исчез полностью. Последний поддерживался в небольших, консервативных (христианских, в том числе с обучением на немецком языке) университетах, где, как правило, не ставили на центральное место Й. Шумпетера и Ф. Хайека. Политические партии в Венгрии независимо от того, проповедуют ли они консервативные, либеральные или социалистиче-

²⁰ Особый путь (нем.). — Примеч. перев.

ские ценности, начиная с 1989 г. сохраняют в своих программных документах ослабленную версию идей Фрайбургской школы. Иногда добавляют в них немного «зелёного», используя термин «экосоциальный», или, на примере партий правого крыла, втискивают их в концепцию национальной рыночной экономики (или даже национальной и социальной рыночной экономики, или экосоциальной национальной экономики). Очевидно, что австрийская ветвь ордолиберализма не привлекла в моей стране даже либералов. Риторика, проникнутая верой в свободный рынок, похожая на ту, которой пользуются Вацлав Клаус или Лешек Бальцеревич, никогда не была популярна среди венгерских экономистов. До 1989 г. реформаторы говорили на собственном намеренно деидеологизированном языке с небольшим социально-либеральным акцентом и отторгли из своих рядов единственного в Венгрии анархолиберала — Тибора Лишку (Tibor Liska). Другая, менее прагматичная, причина состоит в по сей день остающемся влиятельным в экономической социологии наследии Карла Поляни и его сомнениях в добродетелях «саморегулирующегося рынка». Хотя американский социолог и эксперт по Венгрии Дэвид Старк предложил несколько полезных эволюционистских идей, им недостаёт формализации, необходимой для НИЭТ.

Традиционная австрийская экономическая теория была впервые использована в критике Маркса школой Д. Лукача (Lukacs Kindergarten) на рубеже 1960–1970-х годов²¹. После более чем десятилетней паузы, в конце 1980-х годов, эта теория смогла привлечь лишь немногих молодых специалистов. До сегодняшнего дня неоавстрийцы оставались в целом неизвестны в Венгрии. Идеи Хайека были ниспровергнуты, даже не подвергнувшись обсуждению и критике, по двум причинам: (1) необходимость социальной инженерии на первых порах посткоммунистической трансформации; (2) быстрый приток неоклассической теории, через призму которой взгляды Хайека казались многим идеологизированными, нечёткими и нефункциональными. Кроме бывшего министра финансов Лайоша Бокроша (Lajos Bokros), время от времени обнаруживает себя лишь небольшая горстка учёных, которые придерживаются квазилибертарианских взглядов в экономической науке.

Неудивительно, что на фоне преобладающего прагматического духа, унаследованного от местной версии рыночного социализма, не только неолиберальные доктрины оказались неспособными завлечь венгерских институциональных экономистов, но также и любые попытки формализации. Спекулятивный институционализм остался основным жанром экономического исследования, хотя спекулятивные размышления всё менее связывались с аналитической неаккуратностью, сомнительным реализмом и нормативным мышлением. Такого рода методы, то есть описательный, а не аналитический подход; концептуализация, а не измерение; кейс-стади, а не построение моделей; исторические аргументы, мышление в терминах больших систем (*Big Systems*) и грандиозных конструкций (*Grand Designs*) и т. п. по-прежнему доминируют в работах институционалистского исследовательского сообщества. Проще говоря, интеллектуальный путь его членов ведёт от восточного, спекулятивного, к западному, старому, институционализму и оставляет открытой возможность переключения со старой на новую институциональную экономическую теорию.

Затянувшееся и довольно беспорядочное освоение НИЭТ не может быть правильно понято, если не учитывать другую венгерскую особенность: огромное влияние ролевой модели старых поколений экономистов, олицетворённой Яношем Корнаи (Janos Kornai). Долгое время он дистанцировался от реформаторской деятельности, превзошёл большинство своих коллег в вопросах систематического описания и формализованного анализа, увлекался изучением эволюционных изменений, но не смог принять западные институциональные парадигмы. Это случилось довольно поздно, лишь в начале 1990-х годов, и даже тогда Корнаи продолжал держаться своей, всем известной осторожной манеры. Он делал заим-

²¹ Lukacs Kindergarten (нем.) — второе поколение постмарксистов, сформировавшихся под влиянием Дьёрдя Лукача (1885–1971). — *Примеч. перев.*

ствования как из ордолиберализма (например, сравнительные экономические системы), так и из НИЭТ (например, социальное доверие) менее инстинктивно, чем прежде, но тем не менее не причислял себя целиком ни к одному из этих направлений. Более того, в определённый момент он начал посмеиваться над восточноевропейскими «вульгарными коузистами», говоря: «Я не использую термин “институт” в каждом втором параграфе, что недавно вошло в моду, но думаю, что понимаю, что такое система и чем различаются социализм и капитализм...» [Kornai 2000].

Несмотря на все эти препятствия, дебют новой институциональной экономической теории в Венгрии начала 1980-х годов был весьма многообещающим. Отдельные статьи и книги Энтони Даунса (Anthony Downs), Рональда Коуза, Альберта Хиршмана, Мансура Олсона, Герберта Саймона, Джорджа Стиглера были уже переведены на венгерский. Большинство ведущих журналов, связанных с современной институциональной мыслью, были доступны в библиотеках Будапешта. Поэтому значительная часть ранних теорий о правах собственности и трансакционных издержках (А. Алчян, Р. Коуз, Г. Демсец, С. Пейович (Svetozar Pejovich), О. Уильямсон и др.) были известны среди некоторых либерально настроенных учёных (включая радикальных реформаторов). К 1990 г. Петер Галаши (Peter Galasi) и Габор Кертеши (Gabor Kertesi) опубликовали новаторскую работу о коррупции в общественном секторе, которая опиралась на модель Йенсена—Меклинга (*Jensen-Meckling model*). В колледже Райк Университета им. Карла Маркса студенты и молодые преподаватели начали изучать широкий круг вопросов, связанных с НИЭТ, который включал совсем не ортодоксальные на то время темы (например, социальные сети, капитал и доверие). Многие из этих людей были впоследствии приняты западными университетами.

В начале 1990-х Ласло Чонтош (Laszlo Csontos), переводчик и редактор целого ряда работ западных институционалистов, проводивший серию формальных и неформальных семинаров в Будапеште в 1980-е годы, вернулся из Коннектикута, где работал вместе с Р. Ланглуа (Richard Langlois), и стал преподавать в Центрально-Европейском университете. С помощью своего институционального подхода, методологически основанного на теории рационального выбора, он не только умножил число сторонников неоинституциональных направлений в экономической теории посредством преподавания и исследовательских проектов, но и представил междисциплинарный подход к НИЭТ и тем самым также привлёк социологов и политологов. Были изданы новые переводы (Дж. Бьюкенен, С. Пейович, Ю. Эльстер и др.), однако вскоре после этого «триумфальный марш» завершился. В поле этой дисциплины часто наведывались случайные попутчики и оппортунисты, которые размыли границы между НИЭТ и ортодоксальным марксизмом, транзитологическими исследованиями и традиционным направлением сравнительных исследований экономических систем (*Comparative Economic Systems*). Именно эти люди сохранили ключевые позиции в крупнейших университетах, определяли издательскую политику ведущего в Венгрии экономического журнала «Közgazdasági Szemle» и представляли Венгрию во всех значимых международных ассоциациях неоинституционалистов.

Многие заинтересованные в новом институционализме таланты, молодые и средних лет, обратили свои взоры назад, к «чистому» неоклассическому подходу, и (или) предпочли более прикладные, эмпирические варианты НИЭТ (прежде всего в таких отраслях, как экономика труда, теория отраслевых рынков и теории общественной политики). Либо они сочли за лучшее покинуть страну, тем самым ослабив процесс самоорганизации и легитимации дисциплины в Венгрии. Тем не менее не переставали публиковаться переводные работы (Д. Норт, Д. Асемоглу (Kamer Daron Acemoglu), М. Рабин (Matthew Rabin) и др.), не говоря уже о возникновении нового жанра — учебниках по институциональной экономике Р. Д. Кутера (Robert D. Cooter) и Т. Алена (Thomas Ulen), Дж. Каллиса (John Cullis) и Ф. Джонса (Philip Jones), Д. Б. Джонсона (D. B. Johnson), П. Милгрона (Paul Milgrom) и Дж. Робертса (John Roberts), Дж. Стиглица или учебниках по неоклассике с важными главами по НИЭТ (Дж. Хиршляйфер (Jack Hirshleifer), О. Уильямсон). Этот жанр отражает распространение по всей стране новаторских университетских курсов по новой политической экономии, экономике права, поведенческой эконо-

мике, новой экономической истории, экономике развития и т. п. Такая активная инновация в высшем образовании (или на его границах) в течение последнего десятилетия, возможно, является ещё одной особенностью Венгрии, но *пока* ещё она не затронула экономические журналы.

Вспышка?

В общем и целом, всё вышесказанное выглядит довольно пессимистично. Тем не менее слово «пока» в последнем предложении предыдущего раздела даёт повод для оптимизма. В самом деле, большинство авторов статей по проведённым нами кейс-стади утверждают, что в ЦВЕ новая институциональная экономическая теория находится в состоянии молчаливого накопления сил. Её не разгоревшееся ещё пламя набирает силу, чтобы вскоре вспыхнуть. Они говорят о специалистах по НИЭТ (в основном это молодёжь, которая возвращается с Запада), предпринявших огромные усилия, чтобы опубликовать работы по всем стандартам дисциплины и организовать университетские курсы, которые вскоре будут способствовать появлению новых специалистов и многообещающих публикаций. Они также обращают внимание читателей на другие социальные науки, такие как социология (Болгария, Венгрия, Польша), право (Венгрия, Сербия), политические науки (Хорватия), психология и история, которые нередко применяют неинституциональные концепции на стыках своих наук с экономической теорией. Часто неинституционалистские аргументы используются в научных дискуссиях без упоминания их источника. Иными словами, наши кейс-стади указывают на пока ещё не слишком заметное разрастание НИЭТ в академической среде и за её пределами. Особенно выделяются сферы публичной политики и корпоративного управления как плодородная почва для распространения философии этого направления и её моделей начиная с дерегулирования системы здравоохранения до выработки стимулов для интрапренёрских проектов. То, что плохо работает в академической среде, может оказаться эффективным в повседневной хозяйственной жизни. Конечно, результаты бывают разные: по словам Кохановича, если в случае пенсионной реформы в Польше неинституционалистские концепции оказались успешными, то в перестройке системы здравоохранения они до сих пор не сработали. В то же время метод кейс-стади по Хорватии показал их успешность в сфере публичных финансов.

Новый толчок со стороны Запада также может ускорить процесс внедрения неинституционалистских идей. Те, кто верит в новый старт, не могли представить лучшего шанса, чем вручение Нобелевских премий Леониду Гурвичу, Элинору Остром и Оливеру Уильямсону за изучение механизма принятия решений и экономического управления, возможно, самых важных вопросов для сегодняшней экономической науки Восточной Европы. В целом академический интерес не исчез, новые неинституциональные теории по-прежнему привлекательны, а возникающие в регионе капиталистические режимы пригодны для институционального анализа не менее, чем ранее процессы посткоммунистических трансформаций. Поэтому уже в ближайшем будущем нельзя исключать нового роста в освоении и творческом применении неинституциональных идей. То, что сегодня скрывается на заднем плане в виде изучения литературы и проведения прикладных исследовательских проектов, может завтра сплотиться и выйти на передний план.

Столкновения культур

Пересечения Запада и Востока²² в области новой институциональной экономики обнаруживают множество специфических черт, как, например, нерегулярность, особенно в сравнении с упрощённой схемой, описывающей обмен между двумя акторами с разным культурным багажом и властными позициями как линейную последовательность, ведущую к итоговому культурному компромиссу, при доминировании более сильного партнёра.

- В целом теперь место встречи перестало иметь значение: отдельные страны и регионы не различаются по характеру обмена идеями. Если же всё-таки разнятся, то Юго-Восточная Европа не отстаёт от ЦВЕ (например, Сербия и Хорватия быстрее и глубже усвоили НИЭТ, чем Чехия и Польша).
- По-видимому, время оказывает влияние на столкновения культур. Прежде всего, сказывается возраст местных участников, а особенно тот факт, что с 1989 г. процесс «притирки» принял новые формы, и новые поколения экономистов прошли социализацию в системе образования и исследовательских институтов западного образца (или просто западных).
- Что касается временной структуры этих пересечений, то период интенсивного (хотя и довольно поверхностного) обмена сменился стагнацией и надеждой на новый подъём.
- Во многих случаях культурная адаптация представляет собой улицу с односторонним движением от Запада к Востоку (оно основано на имитации и рекомбинации, а не на местных изобретениях), но такого рода движение имеет свои пределы. Кроме того, на «восточном» конце улицы акторам трудно учиться поверх государственных границ.
- Пересечения культур в основном приводятся в движение Западом путём «удалённого контроля» (то есть западный партнёр присутствует мысленно, а не физически). На самом деле это не слишком эффективный способ обучения, который подвергается сильному местному давлению внутри и вне академической сферы. К тому же одна форма западного влияния может препятствовать другой: неоклассический мейнстрим одновременно помогает и препятствует восприятию неоинституциональной экономики.
- Открытое сопротивление и убеждённое подражание относительно редки, а эклектичная и ритуальная адаптация встречаются довольно часто.
- В настоящее время возникающий компромисс в институционалистской мысли больше похож на отправную точку Восточной Европы, являясь своего рода модернизированным и (или) реформатированным старым институционализмом. Однако благодаря захвату неоклассической парадигмой (захвату, характеризующемуся открытым подражанием) местные гибриды НИЭТ могут в будущем двинуться на «Запад».

²² Понятия «Восток» и «Запад», выработанные в период «холодной войны», всё меньше и меньше применимы к бурной среде восточноевропейской экономической теории. Сегодня со многими западными преподавателями, соавторами и партнёрами по проектам, можно встретиться в восточноевропейских столицах (например, в качестве наёмных работников Центра социальных и экономических исследований CASE (CASE — Center for Social and Economic Research) в Варшаве или Центрально-Европейского университета (Central European University, CEU) в Будапеште). Ситуация ещё более усложняется, если учесть, что западный профессор на самом деле может быть репатриантом или уроженцем Восточной Европы, получившим образование на Западе. Там его (её) мог обучать выходец из Восточной Европы. Более того, польский преподаватель может обучать чешского студента в одном из московских университетов. Вот пример из нашего проекта: по словам Р. Аврамова, российский учебник по НИЭТ также использовался в Софийском университете.

— Возможность постепенной эволюции в направлении нового институционализма не была использована. Старое эпистемическое сообщество начало распадаться, но осталось достаточно сильным, чтобы не допустить консолидации нового сообщества. Его стратегии невольно помог угасающий интерес в Восточной Европе ядра западной НИЭТ и, как следствие, в развитии идей в регионе, а также подозрение к институционализму как таковому со стороны потенциальных местных союзников, новых приверженцев мейнстрима.

Появление гибридов

Наши кейс-стади не предлагают чёткую типологию возникающих культурных компромиссов. Однако, скорее всего, мы не получим совершенно асимметричную схему, на одной стороне которой было бы несколько убеждённых сторонников НИЭТ, а на другой — большое количество нейтральных или враждебно настроенных экономистов. На самом деле, мы увидели набор смешанных типов, варьирующих от *беженцев* из ортодоксального марксизма или умеренного реформаторства, «ищущих прибежище» в НИЭТ; *непримиримых сторонников словесных описаний*, прибывших из лагеря радикальных реформаторов; *институционалистов-прагматиков*, то есть неоклассиков, готовых экспериментировать с концепциями НИЭТ, до приверженцев *потенциального синтеза*, не потерявших способность к словесному анализу, но также готовых проводить институционалистские исследовательские проекты в духе неоклассики.

Известное предостережение гласит: если бы типология содержала в себе имена, она стала бы ещё более сложной. Так непременно и произошло, если бы мы применили любую из гипотез о запутанности (*muddling-through*), импровизации или бриколаже, широко распространённых в культурологии, к процессу восприятия новой институциональной экономики в регионе. Как уже отмечалось в начале данной статьи, человека можно убедить отказаться от каких бы то ни было классификаций, приведя пессимистический взгляд на современное состояние экономической науки в Восточной Европе. Соответственно сообщество экономистов противостоит ситуации, когда практически любая теория может раствориться в другой без особых трудностей. Один из наших болгарских респондентов заметил: «Даже схемы Понзи могли бы считаться “школами”».

Литература

- Albert H. 2004. *Wirtschaft, Politik und Freiheit. Das Freiburger Erbe. Freiburger Diskussionspapiere zur Ordnungsökonomik*. 8.
- Aligica D. P., Evans A. 2009. *The Neoliberal Revolution in Eastern Europe*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Aligica D. P., Terpe H. P. 2012 (Forthcoming). Institutionalism, the Economic Institutions of Capitalism, and the Romanian Economics Epistemic Community. In: Kovács J. M., Zentai V. (eds). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.
- Aoki M. 2001. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. Cambridge: MIT Press.
- Avramov R. 2012 (Forthcoming). The Sinuous Path of New Institutional Economics in Bulgaria. In: Kovács J. M., Zentai V. (eds). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.
- Balcerowicz L. 1992. The «Socialist Calculation Debate» and Reform Discussions in Socialist Countries. In: Kovács J. M., Tardos M. (eds). *Reform and Transformation. Eastern European Economics on the Threshold of Change*. London: Routledge. 5–18.

- Bardhan P., Roemer J. (eds). 1993. *Market Socialism: The Current Debate*. N. Y.: Oxford University Press.
- Barry N. P. 1989. Political and Economic Thought of German Neo-Liberals. In: Peacock A., Willgerodt H. (eds). *German Neo-Liberals and the Social Market Economy*. London: Palgrave Macmillan; 105–124.
- Bockmann J., Eyal G. 2002. Eastern Europe as a Laboratory of Economic Knowledge: The Transnational Roots of Neoliberalism. *American Journal of Sociology*. 108 (2): 310–352.
- Chavance B. 2008. *Institutional Economics*. London: Routledge.
- Coase R. 1998. New Institutional Economics. *American Economic Review*. 88 (2): 72–74.
- Franicevic V. 2012 (Forthcoming). Soft Institutionalism: The Reception of New Institutional Economics in Croatia. In: Kovács J. M., Zentai V. (eds). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.
- Furubotn E., Richter R. 2000. *Institutions and Economic Theory. The Contribution of New Institutional Economics*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Hodgson G. 2001. *How Economics Forgot History*. London: Routledge.
- Hodgson G. 2004. *The Evolution of Institutional Economics*. London: Routledge.
- Hutchison T. 1984. Institutionalism Old and New. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 140: 20–29.
- Johnson D. 1989. Exiles and Half-Exiles: Wilhelm Röpke, Alexander Rüstow and Walter Eucken. In: Peacock A., Willgerodt H. (eds). *German Neo-Liberals and the Social Market Economy*. London: Palgrave Macmillan; 40–68.
- Kochanowicz J. 2012 (Forthcoming). Have Polish Economists Noticed New Institutionalism? In: Kovács J. M., Zentai V. (eds). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.
- Kornai J. 2000. Tíz évvel a Röpírat angol nyelvű megjelenése után. A szerző önértékelése. *Közgazdasági Szemle*. 9 (In English: Ten Years After «The Road to a Free Economy». The Author's Self-Evaluation. URL: <http://www.wcfia.harvard.edu/sites/default/files/tenyears.pdf,14-15>).
- Koslowski P. (ed.). 1998. *The Social Market Economy: Theory and Ethics of the Economic Order*. Berlin, Heidelberg: Springer.
- Kovács J. M. (ed.). 1991. Rediscovery of Liberalism in Eastern Europe. *Eastern European Politics and Societies*. Winter.
- Kovács J. M. 1992. Compassionate Doubts about Reform Economics (Science, Ideology, Politics). In: Kovács J. M., Tardos M. (eds). *Reform and Transformation. Eastern European Economics on the Threshold of Change*. London: Routledge; 299–333.

- Kovács J. M. 1993. Which Institutionalism? Searching for Paradigms of Transformation in Eastern European Economic Thought. In: Wagener H.-J. (ed.). *The Political Economy of Transformation*. Heidelberg: Physica-Verlag; 85–96.
- Kovács J. M. 1998. Sound Interventionism? Challenges of the Transformation in Eastern European Economics. In: Bull M., Ingham M. (eds). *Reform of the Socialist System in Central and Eastern Europe*. London: Macmillan; 77–91.
- Kovács J. M. 1999a. Business as (Un)usual. Notes on the Westernization of Economic Sciences in Eastern Europe. In: Kaase M., Sparschuh V. (eds). *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe*. Budapest, Hungary: Collegium Budapest Institute for Advanced Study; 26–33.
- Kovács J. M. 1999b. Praising the Hybrids. Notes on Economic Thought Ten Years After. *East European Politics and Societies*. 13 (2): 313–322
- Kovács J. M. 2002. Vissza a fősodorba? A magyar közgazdasági gondolkodás nyugatosodásáról (Back to the Mainstream? On the Westernization of Economic Thought in Hungary). In: Kovács J. M. (ed.). *A zárva várt Nyugat. Kulturális globalizáció Magyarországon*. Budapest: Sík Kiadó; 221–262.
- Kovács J. M. 2010. Importing Spiritual Capital. East-West Encounters and Capitalist Cultures in Eastern Europe after 1989. In: Berger P., Redding G. (eds). *The Hidden Form of Capital*. London: Anthem Press; 133–171.
- Kovács J. M. 2012 (Forthcoming). Beyond the Basic Instinct? On the Reception of New Institutional Economics in Eastern Europe. In: Kovács J. M., Zentai V. (eds). *Capitalism from Outside. Economic Cultures in Eastern Europe After 1989*. Budapest: CEU Press.
- Langlois R. 1986. The New Institutional Economics: An Introductory Essay. In: Langlois R. (ed.). *Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Langlois R. 1989. What Was Wrong with the «Old» Institutional Economics? (And What Is Still Wrong with the «New»?). *Review of Political Economy*. 1 (3): 272–300.
- Leipold H. 1987. Constitutional Economics als Ordnungstheorie. In: *Ordnungstheorie: Methodologische und Institutionen-Theoretische Entwicklungstendenzen. Arbeitsberichte zum Systemvergleich*. 11. Marburg: Marburg Philipps Universität; 101–134.
- Ménard C., Shirley M. (eds). 2005. *Handbook of New Institutional Economics*. Dordrecht: Springer.
- Nee V. 2005. The New Institutionalism in Economics and Sociology. In: Smelser N., Swedberg R. (eds). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; 49–74.
- Peacock A., Willgerodt H. 1989a. *Germany's Social Market Economy: Origins and Evolution*. London: Macmillan.
- Peacock A., Willgerodt H. 1989b. Overall View of the German Liberal Movement. In: Peacock A., Willgerodt H. (eds). *German Neo-Liberals and the Social Market Economy*. London: Palgrave Macmillan; 1–16.

- Pies I. 2001. *Eucken und von Hayek im Vergleich. Zur Aktualisierung der ordnungspolitischen Konzeption*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Rutherford M. 1994. *Institutions in Economics. The Old and the New Institutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sally R. 1996. Ordo Liberalism and the Social Market: Classical Political Economy From Germany. *New Political Economy*. 1: 233–257.
- Schmidtchen D. 1984. German Ordnungspolitik as Institutional Choice. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 140: 54–73.
- Schüller A. 1987. Ordnungstheorie — Theoretischer Institutionalismus. Ein Vergleich. In: *Ordnungstheorie: Methodologische und Institutionen-Theoretische Entwicklungstendenzen, Arbeitsberichte zum Systemvergleich*. 11. Marburg: Marburg Philipps Universität; 74–100.
- Vanberg V. 1988. Ordnungstheorie as Constitutional Economics — The German Conception of Social Market Economy. *ORDO*. 39: 17–32.
- Vanberg V. 1998. Freiburg School of Law and Economics. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law*. 2. London: Macmillan; 172–179.
- Vanberg V. 2001. The Freiburg School of Law and Economics: Predecessor of Constitutional Economics. In: Vanberg V. *The Constitution of Markets. Essays in Political Economy*. London; New York: Routledge; 47–66.
- Varadi B. 2007. *Karl Marx Learns Microeconomics*. Dioscuri Project (manuscript).
- Watrin Ch. 1979. The Principles of the Social Market Economy — Its Origins and Early History. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 135: 405–425.
- Williamson O. 2000. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*. 38 (3): 595–613.
- Zweig K. 1980. *The Origins of the German Social Market Economy*. London: ASI.